

Жанна Гречуха
Рампа

Жанна Гречуха

Рампа

«Издательские решения»

Гречуха Ж.

Рампа / Ж. Гречуха — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749503-9

Книга Жанны Гречухи «Рампа» — цветные стеклышки воспоминаний. Из детства, юности и различных ролей, которые приходилось играть в жизни.

ISBN 978-5-44-749503-9

© Гречуха Ж.
© Издательские решения

Содержание

Заповеди первого мужа	6
Домовушка Жозефима	7
В том городе горели фонари	9
Ночной звонок	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Рампа

Жанна Гречуха

*«Книга пишицего – не бросает, люди, судьбы хотят жить, хотят
дальше жить».*

Марина Цветаева

«А сколько осталось в кулисах!»

Тамара Афанасьева (из разговора)

Фотограф Наталья Коноплёва

Иллюстратор Ольга Крестовская

© Жанна Гречуха, 2019

© Наталья Коноплёва, фотографии, 2019

© Ольга Крестовская, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4474-9503-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Заповеди первого мужа

*У памяти хороший вкус.
Французская пословица*

Это потом я поняла, что оказывается, всю жизнь соблюдала все его советы и наставления. Во-первых, легко относиться к деньгам. Есть деньги – тратим. Нет денег – никаких проблем: гуляем по Москве и читаем стихи.

Во-вторых, никогда не оправдывайся. Ты – это ты, и пусть окружающие принимают тебя такой, какая ты есть.

– Почему? – осторожно спросила я.

– Потому что ты – Королева.

Я удивлённо посмотрела на него.

– И что это значит?

– Это значит, что свои капризы ты ни с кем не обсуждаешь. А уж тем более – с собой.

Это он приучил меня к цветочным магазинам, кафе, утренним прогулкам по бульварам, выставочным и читальным залам.

– У тебя должен быть «свой мир», и тогда тебя никто не сможет победить. От любой неприятности и неудачи ты просто заслонишься букетом тюльпанов.

И это он придумал «подарочный фонд», а в сумочке «на всякий случай» иметь запасную ручку. Носовой платок и плитку шоколада. Он относился ко мне, как к младшей сестрёнке, и строго следил, чтобы я не позволяла себе НИКАКИХ дешёвых вещей.

– Бедность сушит душу. Лучше ничего, чем мало.

– А у японцев существует понятие «красота бедности».

– Это не для тебя.

Через много лет моя взрослая дочь вдруг задумчиво изрекла:

– Знаешь, мама, а ты и в бедности живёшь, как в богатстве. Зимой – цветы, круглый год на блюде фрукты. Когда приходят гости – зажигаем свечи. И на память – дарим игрушки. Вятские или свистульки. Давно хотела тебя спросить. Ты сама это придумала или тебя кто-то научил?

Он научил меня самому главному, чему должен научить свою женщину любящий муж – ВСЕГДА доверять самой себе. Любить себя, удивляться и радоваться Солнцу. Ветру. Звёздам.

«Для счастья нужно иметь счастливый характер».

– Следи за своим счастьем и немедленно уходи от тех, кто хочет его разрушить.

Я никогда никому не рассказывала про него, потому что... то, «первое замужество» – было моей тайной.

Но в день его рождения я всегда покупаю себе цветы, пирожные и апельсины.

– Нужно соблюдать собственные обряды. Не забывай поздравлять своих друзей и знакомых с днём рождения.

Им необходимо знать, что про них помнят. Любят. Пусть даже просто из благодарности.

Я честно выполняю и эту «его заповедь».

11 апреля 2008

Домовушка Жозефима

Я в последний раз посмотрела на стены, завешанные картинами, на книжные шкафы, на мой школьный письменный стол, подаренный Бабушкой Верой и подумала: «Как хорошо, что я ни с кем не стала прощаться. «Долгие проводы, лишние слёзы». Я позвонила в колокольчик, присела в кресло у входной двери и сказала самой себе: «Ну, с Богом!» И увидела Домовушку. Она сидела на моей дорожной сумке и смотрела на меня очень внимательно. Мне привезли её в канун Нового Года. Из Суздаля. Я иногда разговаривала с ней. Потому что в моей коллекции народных игрушек она занимала своё особое почётное место.

– Я уезжаю. Может быть, надолго. А, может, и навсегда.

– Тады и мене возьми с собой.

– Это – новая жизнь. Если она получится. Зачем же брать в новую жизнь старые воспоминания?

– А я твоей старой жизни не знаю, и знать не хочу. А ты в свою новую жизнь, небось по небу полетишь, самолётом?

– Сколько ты со мной прожила, а разговаривать прилично так и не научилась.

– Ещё чего, свою натуру менять. Так возьмёшь меня? И думать не стоит. Бери, пригожусь. Не бойсь, – прошептала она, – ежели что – вернёмся.

Она была совсем молоденькой Домовушкой и не верила, что никто никогда обратно – таким же – не возвращается.

– А я – боюсь, – честно призналась я.

– Ежели он тебе – «милый», чего бояться?

И вздохнула.

– «Милого побои недолго горят».

– Утешила!

Домовушка удивилась.

– Я-то с чужого голоса пою, но сама подумай – чего промеж своих не бывает? До свадьбы доживёт!

– А если – после?

Домовушка задумалась.

– В сказках опосля свадьбы детей рожают да добра наживают. Вот, скажи, хозяйство на кого оставляем? Молчишь! А надо бы сначала – всё раздать, подарить, продать. Да! Лишняя копейка завсегда пригодится.

– Ты, как всегда права, Жозефима.

– Сама ощущаю. Я красоту и порядок страсть как уважаю. И бережливость тоже. Французы – завсегда бережливые. А наши – «Гуляй, Вася!» Что начнут, то не закончат. Настроение у них меняется. Так мы – едем или разговоры будем разговаривать? А куды едем-то?

– В Италию.

Домовушка уютно устроилась в кармане дорожной сумки.

– Чтой-то я про такую и не слыхивала.

– Значит сразу и услышишь, и увидишь.

Она поправила свою шляпку и тихо спросила:

– Ты мне честно скажи: «Ты в ём сомневаешься или в себе»? Ежели в ём – остаёмся. А ежели в себе – едем. Он ведь для нас небось, и Дом приготовил.

«Неплохо, – подумала я, – для нас!»

– А где я-то жить буду?

– На кухне вестимо.

– Вот ишо! Я же – Жозефима. Не Акулина, не Матрёна, не Пелагея. Я не како-нибудь, я – не из простых. Меня художница, Юленька, Златовласка, цельный месяц придумывала. Из счастливых лоскутков наряд шила. Косы – рыжие, заплетала. И песенки пела. По-французски! Вот ты, небось, по-французски, ни бум-бум, а она, может, меня для иностранцев готовила. Или для подружке своей, той, что для тебя мене выбрала. Всё про Наполеона рассказывала и про жену его, Жозефину, которая фиалки больше всех цветов обожала. Я тогда себе и имячко выбрала. Но чтобы свои, суздальские, не обижались, и могли Фимой величать, я чуток имя-то переделала. И зовусь – Жозефимой. Имя – обязывает. Так-то.

– Значит, ты – не из простых?

– Дык и ты – не из простых.

Я вздохнула.

– Детей рожать будешь? – деловито осведомилась Домовушка.

– Какая ты, однако, бестактная и бесцеремонная. Хоть и Жозефима. И в шляпке.

– Практичная я. Не в пример тебе. О будущем своём забочусь.

Ежели детишки пойдут друг за другом, дык ты со мной и пошептаться не успеешь. А мне компания нужна. Может возьмём ещё кого-нибудь? Везунчика, Ванюшку. Он – махонький. Ему и места-то много не надо. В карман можешь положить. И мне – забава. Он наш, суздальский.

– Нет. Новая жизнь в новых декорациях.

Домовушка протяжно вздохнула.

– Что в доме, то нажито, а что из дому – то прожито. Знай край, чтоб не упасть. Ты, значить, замуж без приданого идёшь?

– Ага!

Домовушка обиделась.

– Не дразнись! Ты «ага!» не говоришь. Ты у меня – культурная. Я ведь и к тебе, и к Москве твоей не сразу привыкла. Знать, судьба моя такая, с тобой по белу свету мыкаться. Ладно, чего время тянуть, звони в колокольчик. Самолёт-то ждать не будет.

– Прощайте! Не поминайте лихом. Я была очень счастлива с вами.

Все мои игрушки незаметно смахнули слезу.

Я закрыла входную дверь и вышла на лестничную площадку. У меня было странное чувство, что моя прошлая жизнь – мне приснилась.

19 июня 2006

В том городе горели фонари

– Честно говоря, я вам не советую ехать в командировку в этом месяце. Впрочем, вы же всё равно поедете.

И Дама-астролог устало улыбнулась.

Вечером я вышла на балкон. Посмотреть на фонари. И вдруг они погасли.

– Что случилось?

С соседнего балкона меня окликнул Некто в кожаном пиджаке и белой рубашке. Мы раскланивались, встречаясь по утрам в кафе.

– Пойду посмотрю.

– Вы не против, если я составлю вам компанию?

(Мне хотелось сказать: «Конечно, против». Но что-то меня остановило.)

Тёмный, мрачный город. Мой спутник осторожно поддерживал меня за локоть. Неожиданно он зажёл фонарик.

– Разрешите представиться. Олег Ильин.

– Рената.

Разумеется, я его узнала. Его сериал только что с успехом прошёл по Первому каналу и я неосторожно воскликнула: «Как бы мне хотелось с ним познакомиться! Как бы он восславил музей Александра Блока! По моему сценарию». Космос услышал.

– Рената?

Внимательно посмотрел.

– Это ваше «второе имя»?

– Иногда мне хочется быть просто «частным лицом». Когда узнают, что ты – журналист, с удовольствием начинают рассказывать про свою личную жизнь, примитивно-скудную, как правило, откровенно несчастливую, поэтому я иногда разрешаю себе побыть инкогнито.

– Я читал ваши статьи. У вас лёгкое перо.

И тут раздались выстрелы. Совсем рядом. Он втолкнул меня в арку. Прижал палец к губам, погасил фонарик и прошептал:

– Спокойствие, только спокойствие.

(«У него маленький сынишка. Недавно Он ему прочитал «Карлсона, который живёт на крыше».)

Мимо нас промчался мотоцикл, и в свете фар я увидела двух подростков, стрелявших по окнам и гоготающих.

Мотоцикл сделал круг и тот, который был в шлеме, спокойно сказал по-русски: «На сегодня хватит. Слезайте. Вот ваш дом».

Я ощутила, как его спина придавила меня к стене.

– Закурить не дадите? – его голос заставил их остановиться.

Голос был старческий с акцентом.

– Я заплачу.

Тот, кто считал себя самым «крутым», сказал: «Извините, батона, ни одной сигареты».

И они прошли мимо.

Олег повернулся ко мне, и только, когда стихли шаги, шёпотом приказал: «Ни звука. Дайте руку».

В холле гостиницы никого не было.

– Вы не знаете, кроме нас с вами, здесь ещё кто-нибудь обитает?

– Не уверен. Вы прилетели во вторник утром, а стрельба продолжается вторую неделю.

– Но ведь война давно закончилась. Вскоре начинается курортный сезон.

- Мой продюсер тоже так думал. Что будем делать?
- Призовём на помощь поэтов.

*Превратила всё в шутку сначала,
Поняла – начала укорять,
Головою красивой качала,
Стала слёзы платком утирать.*

Он выслушал меня, даже слегка похлопал.

- Это – Блок?
- Мне хочется как-нибудь вас отблагодарить.
- За вечернюю прогулку?
- Угу. Я открою вам мою тайну. Обещаете хранить её вечно?
- Обещаю, – очень серьёзно ответил он.
- Вы уверены, что в вашем генотипе присутствуют аристократические гены?
- Ранее скрывали, а теперь даже особняки показывают. И поместье. В Калужской губернии.

– Тогда я спокойна за свою честь. Я прилетела специально, чтобы «сжечь информацию». В этом городе много много лет тому назад я была самым счастливым и самым крылатым существом. Мне захотелось переделать. Перемонтировать. Забыть. Вычеркнуть из памяти. Моё прошлое.

– Не получилось, – тихо произнёс он.

И мы улыбнулись.

В холл, шумно обсуждая что-то своё, вошли сытые наглые, пожилые мужчины.

Не обращая на нас никакого внимания, стали подниматься на второй этаж.

– Вы в каком номере? Я не могу оставить вас здесь одну.

– Комплекс старшего брата?

– Пусть так.

– Что ж, кофе, печенье, орехи имеются. Буду зачитывать вас стихами. Вы любите стихи?

Так мы с ним и провели ночь. Сидели напротив друг друга в креслах и читали свои любимые стихи.

Ранним утром он проводил меня на аэродром. Вдоль дороги безмолвной свитой горели фонари.

– Я буду вас защищать. Торнтон Уайльдер заметил: «Когда мы любим человека, мы передаём ему свою любовь к жизни. Мы отпугиваем демонов».

– Вы его... так любите?

Вздыхнул.

– И как же вы будете меня защищать? От меня самого?

Я не ответила. Объявили выход на посадку.

И последний кадр, который подарила мне Судьба: его спокойная уверенная фигура на фоне белой стены аэропорта. Каждый из нас возвращался в свою собственную жизнь. Не уверена, что мне захочется кому-нибудь рассказывать про эту командировку.

Ночной звонок

Ах, как же он нравился всем дамам и барышням в редакции, и когда Инна впервые увидела его, то поняла почему. Он, Михаил, был последним джентльменом среди всех этих скучных и наглых провинциалов и почти совсем спившихся старых москвичей. Он был элегантен, остроумен, по-мальчишески влюблён в свою профессию, счастлив в семейной жизни и обладал чисто биологическим мужским обаянием.

– Ну почему, почему мы не встретились с ним лет десять назад? Как бы я с ним закрутила! Лариса мечтательно закатила свои аккуратно подведённые зелёные глаза.

Она слишком долго была Первой Красавицей и с ужасом ожидала «среднего возраста». Инна её раздражала.

– Зачем он тебе? – неожиданно зло спросила она. – И вообще, что в тебе находят мужики?

– Мужики – не знаю, а все остальные... шарм. Наверное, – улыбнулась.

Потом все стали обсуждать последние новости. Кто женился. Кто развёлся. Кто уехал. А про него вообще сообщали нечто фантастическое. «Говорят, Михаил – «сжёт мосты». И вдруг он позвонил ей домой. Поздно вечером. Из аэропорта.

– Извините за поздний звонок. Можно попросить к телефону Инну Витальевну.

– С превеликим удовольствием, – сказал её муж.

– Я хочу попрощаться. Вдруг мы с вами больше не увидимся. Я не верю в случайности, хиромантию и астрологию. Через два часа мой рейс. Я улетаю в Грецию. На острова. Буду жить в рыбацкой деревне на берегу Эгейского моря. Между прочим, оно сиреневого цвета. Вам бы там понравилось. Почему Вы молчите?

– Потому что я «читала» вашу руку, ещё не поздно сдать билет.

Он засмеялся.

– Ни за что!

– Гордыня есть грех. Но, если вам будет совсем плохо, позвоните мне, я дам вам телефон моего хозяина, Георгия. Он живёт в Салониках и четыре месяца – с июня по сентябрь – сдаёт апартаменты в городке Каллифея. Я была там очень счастлива.

– Спасибо. У вас комплекс старшей сестры? Или профессиональная журналистская привычка – «помогать путникам и странникам»?

– Отнюдь! Просто вы мне – нравитесь своим упрямством и непослушанием. Почему вы не верите звёздам? Они же – против. У вас ничего не получится. А вы ведь, наверное, уже и с женой развелись и дачу продали. И машину.

– Откуда вы знаете?

– Нетрудно догадаться. Хотите начать новую жизнь? В пятьдесят лет. Но вы же цитируете Аристотеля: «Кто не живёт заботами своего возраста, тот несёт все тяготы этого возраста».

– Ну от вас-то я этого не ожидал! Значит... вам – можно менять «тропы охоты». А мне – нельзя?

– А я ничего главного и не меняла. Первая публикация – в 19 лет. Так и живу – «от номера к номеру». От командировки к командировке. А вы меняете профессию. Манеру жить. Небеса. Но душу-то поменять нельзя.

– Вы не верите, что можно полюбить чужую страну больше своей?

– Верю. Я сама люблю Париж больше всего на свете. Жаль, что вы не слушаете свою интуицию.

– Пожелайте мне удачи!

– От всей души и от всей нашей редакции.

– Кто звонил? – поинтересовался муж.

– Океанолог. Михаил. Помнишь, я тебе о нём рассказывала. Внештатный автор.

– Ну как не помнить! Ты ещё им увлеклась, это ведь он тебе книгу про дельфинов подарил? Мне повезло, что ты воды боишься, так что штормы тебе не грозят. И мне – тоже.

– А ты – не ревнуй! Человек делает одну глупость за другой и убеждён, что он – «на верной тропе».

– А почему тебя это волнует?

– Просто вижу развитие сюжета.

– Поделись с товарищем.

– Хэппи-энда не будет. Он надеется, что ему дадут работу в местном университете. И квартирных денег хватит на безбедное житьё-бытьё.

– А почему – «не хватит»?

– Потому что Греция – часть Европы и может спокойно приглашать кого хочет, и потом – интернет, евро. Он привык широко и весело жить. Армянская кровь. Привычки геологов и бардов-туристов. А там – его никто не ждёт. И никто ему не поможет. Он – человек гордый, привык побеждать. Через год, максимум два, вернётся. Квартиры – нет. Работы – нет. Семьи – тоже. У взрослых детей – своя жизнь. Ему бы с внуками на даче в волейбол играть. А он захотел вернуться в юность. «Тоска по Элладе» – мальчишество и запоздалые иллюзии. Богатые мальчишки никогда не становятся взрослыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.